

«ЧАС ШЕСТЫЙ» В. БЕЛОВА
{Замысел и история создания}

Творчество В. И. Белова занимает видное место в русской литературе XX столетия. Являясь одним из основателей так называемой «деревенской прозы», Белов вошел в сознание современников как один из авторов-почвенников. Основной темой его творчества стала тема русской деревни. Важнейшими произведениями автора считаются повесть «Привычное дело», «Плотницкие рассказы», книга очерков о народной эстетике «Лад». Но наиболее значительная роль в его прозе последних десятилетий принадлежит, без сомнения, трилогии о коллективизации «Час шестой».

Историческая хроника «Час шестой» создавалась больше 30 лет. В 1972 году в журнале «Север» была напечатана с большими цензурными сокращениями первая книга задуманной трилогии «Кануны». В 1976 году она вышла уже отдельным изданием, но без третьей части, которая появилась в журнале «Новый мир» лишь в 1987 году. В 1989 году читатель смог познакомиться с журнальным вариантом второй книги «Год великого перелома», а в 1999 – появилась третья книга «Час шестой».

Все это время трилогия именовалась «Кануны», однако в 2002 году, к юбилею В. И. Белова, историческая хроника была напечатана в одной книге под общим названием «Час шестой». Таким образом, в соответствии с авторской волей, произведение правильнее теперь называть не «Кануны», а «Час шестой».

Одними из первых коллективизацию в литературе отобразили М. Шолохов и А. Платонов. Почти одновременно были написаны «Поднятая целина» и «Котлован». Эти авторы создали контрастные картины происходящего. Если у Шолохова, несмотря на трудности достижения цели, коллективизация воспринимается как необходимый и верный шаг на пути построения светлого будущего, то у Платонова в повести «Котлован» рисуется мрачная, страшная своей безысходностью картина. Книга Платонова оставалась неизвестной отечественному читателю на протяжении более полувека, а шолоховский вариант, благодаря покрови-

тельству советской идеологии, был сразу же принят за образец. Лишь в 50–60-е годы с появлением «деревенщиков» тема приобретает новое звучание. В. Овечкин, А. Яшин, Ф. Абрамов, С. Залыгин, Г. Троепольский и другие авторы, изображая деревню и судьбу ее жителей, пытались разобраться в сущности сложных процессов, происходивших в 20–30-е годы на селе. Правда, идеологические запреты явственно давали о себе знать. Глубокий анализ коллективизации был предпринят с наступлением «оттепели», в конце 60-х годов. И один из наиболее значительных шагов в разработке этой темы сделал В. И. Белов.

По мнению П. Уляшова, «Кануны» В. Белова – это «реалистический психологический роман, ближе всего стоящий к шолоховской традиции. Но одним он, пожалуй, близок А. Платонову – трагичностью, заметно усилившейся во второй книге – “Годе великого перелома”» (8:159). Думается, что есть и другие поводы, сближать «Час шестый» и «Котлован». Образы, созданные писателями, сходны не только своей трагичностью, но и обобщенностью, символичностью.

Глубокий анализ процесса коллективизации неизбежно приводит к рассмотрению проблемы в философском ключе. Об этом свидетельствуют такие, например, произведения, как «Мужики и бабы» Б. Можяева и «Касьян Остудный» И. Акулова. Но у В. Белова намечается также философско-религиозный аспект осмысления событий.

Беловская хроника напоминает летопись, в которой отражаются последовательно наиболее яркие и важные события 29–32-го годов XX века. Белов особенно акцентирует внимание на смене нравственных ценностей, что важно не только как исторически значимый факт, но и как предпосылка многих современных проблем. Обращение к переломным моментам истории уже само по себе выражает позицию автора по острейшим проблемам современности. Прошлое русского народа, его сегодняшнее состояние осмысляются через коллективизацию.

Общенациональная беда изображается автором «Часа шестого» прежде всего как трагедия носителя культурной традиции, как кризисный этап его исторического существования.

Первый роман трилогии «Кануны» рисует традиционный крестьянский уклад. Здесь отражен годовой приготовлений к пахоте, от праздников: от посевной до зимних приготовлений к пахоте, от Рождества и Святков до следующего Рождества, включая различные обряды: свадьбу, помочи, гуляния, проводы. Разные поколения в семьях представляют читателю всю жизнь человека, весь жизненный цикл от младенчества до старости. Описания жилища,

семьи, еды, одежды, повседневных занятий, игр, речи – все это создает осязаемую, яркую картину уходящего мира. Читатель видит, каков труд крестьянина, какие чувства персонажей он рождает. Работают беловские герои с радостью, самозабвенно и творчески, видя в этом смысл жизни.

Разлад в традиционный крестьянский мир вносит город. Противопоставление города и деревни для творчества Белова характерно, однако оно не сводится к идеализации крестьянского мира и неприятию городского уклада. Это противопоставление нужно писателю, чтобы подчеркнуть недопустимость насильственного соединения двух миров, несходство мировосприятия их обитателей. Проникновение города в деревню на данном историческом этапе играет роковую роль, так как резко нарушается многовековая традиция.

Тема несовместимости двух укладов намечена уже в самом начале первого романа трилогии «Кануны». Деревня, топящая печи, «вздыхает к небу», которое, в свою очередь, расширяется до вселенских масштабов. Такого безграничного пространства нет в городе. Там пейзаж иной: «Нагромождения домов и кварталов терялись вдаль», всходил «сгусток солнца», словно ненужный небу и городу, иней лишаями застыл на стенах домов (1:39). Теснота, отчужденность и испорченность нравов города бросаются в глаза приехавшим в Москву Даниле Пачину и попу Рыжко: «Не обращая на приезжих ни малейшего внимания, по коридору прошла непричесанная сонная женщина. Халат, застегнутый только на одну пуговицу, привел в смущение даже попа. Данило почувствовал себя провинившимся и попятился...» (1:50).

Вторая часть хроники, книга «Год великого перелома», отражает процесс деформации всего мира. Преобразованная революцией городская общность становится агрессивной и идет против деревни, объясняя свое вмешательство благими намерениями, провозглашая новые идеи. Белов в данном случае осуждает именно эту решимость насильно вести в «светлое будущее», ради которого можно приносить любые жертвы. Насилие порождает насилие, и деревня под напором непонятных ей злых сил начинает разрушаться.

«Год великого перелома» был воспринят критикой сдержанно. Неожиданным для нее оказался поворот событий, описанных автором. В первой рецензии на «Кануны» коллективизация все еще признавалась единственным правильным шагом строящегося государства, а саму книгу, по мнению автора рецензии, не следовало «рассматривать как попытку переосмыслить или «поправить» в чем-то наши основные представления о той сложной эпохе», так

как только «эти новые формы могут радикально поднять уровень советского сельского хозяйства» (8:13). Однако появление «Года великого перелома» породило иное восприятие произведения. Иначе стали оцениваться и «Кануны» в целом. В критике высказывались более решительные суждения: «Эти твердые, жесткие слова лишь теперь, в 1989 году, впервые выразили напрямую то, что и раньше составляло реальный смысл "Хроники", но все же как бы избегало окончательного закрепления в прямых, четких формулировках <...> ныне взгляд на коллективизацию как на величайшее народное несчастье может быть обозначен уже в открытую» (8:108).

В этой части наконец явно зазвучали различные оценки происходившего в стране. Тон задавали уже те авторские слова, которыми открывается «Год великого перелома». Они настраивали на определенное восприятие романа: «После величайшей смуты, унесшей в своем знобющем вихре миллионы жизней, не прошло и десяти лет, а Россия и Украина уже стояли вблизи очередной, не менее страшной трагедии. Казалось, все силы ада снова ополчились на эту землю!» (1:375). На первый план в повествовании выдвигаются представители власти. Все чаще появляется на страницах романа Сталин, подозрительный, озлобленный на весь мир и на свое окружение. Именно он становится в романе олицетворением зла, основателем системы, построенной на разладе и всеобщей вражде. Он инициирует прямое истребление крестьян. К концу этого романа в ссылке находятся все представители исконных крестьянских семей: Данило Пачин, Иван Рогов, Евграф Миронов, Александр Шустов и Павел Рогов. Их дома отняты, семьи ведут нищенское существование. Кроме того, появляются образы переселенцев с Украины, которые влачат на чужом для них севере жалкое существование. Происходит перемена и во властных структурах, идет чистка, которая заставляет чиновников оговаривать своих коллег, обнажать низость человеческой души. Отстранен от управления людьми Игнат Сопронов, однако вскоре он возвращается с решимостью извести всех врагов советской власти, а точнее, уничтожить своих односельчан, более талантливых, более человеческих.

Появляются наконец и исполнители приговоров, на вербованные из народа. Они становятся «винтиками» того механизма, в котором сами должны будут впоследствии погибнуть. Таков Петька Гирич. Его друг детства Арсений Шиликовский становится палачом, но исполняет свою работу равнодушно, не задумываясь ни над целью совершаемого, ни над своими поступками. Именно он расстреливает доктора Преображенского, поведение которого

способствовало прозрению дворянина Прозорова. Сам Прозоров, вспоминая свою жизнь в деревне, свое юношеское увлечение марксизмом, только в тюрьме понимает абсурдность происходящего. Год великого перелома оказался для большинства персонажей проверкой на человечность. Оставшиеся людьми оказались в тюрьмах, в лагерях, на высылках. Те, кто нашел компромисс с новой властью, стали исполнителями страшных преступлений. Однако это было еще лишь началом конца: «Дьявольский вихрь всего лишь опробовал свои беспощадные силы» (1:730).

Заключительная часть хроники, «Час шестый», усиливает драматизм ситуации. Но вместе с тем она переводит идейно-художественное обобщение с социально-политического на философский уровень.

Увеличивается пространственный охват. Предметом изображения становятся не только северные деревни Шибаниха и Ольховица, но и Москва, Архангельск, Печора, наконец, Челябинск, куда убегает Павел Рогов с каторги. Пространством хроники становится пространство России, а вместе с тем и шире – мира, благодаря евангельским мотивам и образу мирового зла.

В хронике В. И. Белова затрагивается целый спектр вопросов, так или иначе связанных с оценкой революции, коллективизации. В первую очередь, это вопрос о допустимости насильственной смены строя, мировоззрения. Один из героев «Канунов», отец Ириней, отвечает на данный вопрос так: «Никто не может сказать человеку, как ему жить» (1:190). Сходной точки зрения придерживается и крестьянская община: главным мерилom является совесть, если она не спит, то человек живет достойно. Совесть, честь для новых людей не значит ничего, свидетельством тому являются доносы, которые персонажи пишут даже на близких. Например, Арсений Шиловский пишет донос на Петьку Гирина, который скрывается под чужой фамилией. Не гнушаются заниматься подобными вещами Сопронов и Микулин. Обманывает своих соратников и сам Сталин, натравливая их друг на друга.

Другим важным вопросом для Белова является вопрос об истоках зла, насилия. В романе фигурирует образ некоего мирового зла. Писатель или не знает, или не желает открывать до конца, что же это за мировое зло. Знакомство с материалами писательского архива, собранными для создания хроники, дает повод предполагать, что речь идет о мировом заговоре против России, который может быть обозначен по-разному: как троцкистский или как масонский. Многие критики идут именно по этому пути, тем более что Белов в публичных выступлениях девяностых годов подобные мысли высказывал. Однако его художественные произ-

ведения не всегда подчиняются прямолинейной логике. Автор «Канунов» показывает, что никакие коварные замыслы не могли бы причинить столь ощутимых страданий России, если бы государство было сильным. Но, с другой стороны, зло обретает невиданную мощь и потому, что в душах людей образовалась пустота, способствующая распространению «новых идей». Именно об этом рассуждают сами герои «Канунов», находя в себе самих причину трагедии. В связи с этим у Белова возникает еще один вопрос – о роли веры, религии в жизни человека. Автор проводит своих лучших героев через тяжелейшие испытания и дает им душевное облегчение только после обретения веры в Бога.

В целом хроника Белова – это попытка разобраться не только в прошлом, но и в настоящем, так как большая часть современных проблем берет начало именно в прошлом, причем не только во времени создания колхозов, но и гораздо раньше: в революциях 1917, 1905 годов и даже в перевороте Петра I.

Решение данных проблем намечается не только в поступках персонажей и в прямой авторской оценке, но и в мнениях самих героев произведения. В открытом споре сходятся дворянин Прозоров и партиец Лузин, поп Рыжко и отец Ириной. Сталкиваются не на жизнь, а на смерть Павел Рогов и Игнат Сопронов. Все герои, включая Сталина, сомневаются, пытаются доказать себе или людям некие идеи. И именно в этом всеобщем споре рождаются ответы на вопросы, поставленные писателем.

Система персонажей трилогии Белова разветвлена и разнообразна. Перед читателем проходят образы представителей самых разных сословий. Условно всех персонажей можно разделить на три группы.

1. Крестьяне-земледельцы, жители деревень. Это самая разнородная группа, но центральными в ней являются образы Никиты Рогова и Павла Рогова. Первый играет ведущую роль в идейном плане; второй – в сюжетном.

2. Группа персонажей условно называемая «интеллигенцией». Сюда можно отнести помещика Прозорова, а также священников: отца Ириной и попа Рыжко. Позднее в романе появляется заключенный Преображенский, мудрый человек, который «преобразит» наконец Прозорова.

3. Представители власти. Эта группа так же разнородна, как и группа крестьян. Сюда входят и представители власти на местах (Сопронов, Микулин, Скачков), и партийцы со стажем, которые хотят верить партии, но все больше сомневаются в разумности ее шагов (Лузин, Шитов). Показана в произведении и политическая верхушка: Сталин, Калинин, Яковлев. Троцкий непосредственно на

страницах романа не изображается, но о нем говорят постоянно в Кремле.

Показывая деревню «накануне» «великого перелома», Белов воссоздает самые разные народные типы. Это нищие Носопырь и Таня-бобылка, которые живут, кормясь от мира и являясь частью этого крестьянского мира. Это остроумный Акиндин Судейкин, сочиняющий стихи про своих односельчан. Это книгочей и выдумщик Степан Ключин, все время применяющий в хозяйстве достижения науки. Это умный, серьезный, хотя и любящий шутку Евграф Миронов. Это горячий Ванька Нечаев. Это хитрый мужик, получивший прозвище Жук. И конечно же, основное внимание уделено истинным хозяевам земли, людям, не мыслящим себя вне крестьянского дела (дед Никита, Иван Никитич, Аксинья и Вера Роговы, Павел Рогов, принявший фамилию жены). Однако, наряду с подобными людьми, еще не оторвавшимися от земли, живущими по заветам традиционной крестьянской общины, появляются и другие типы. Образы Николая Микулина и Игнатия Сопронова отражают сдвиг в сознании людей 20-х годов. Это люди, лишённые влияния традиции, для них народный опыт, нравственные положения крестьянской общины ничего не значат. Но если Микулин ведет себя еще по-человечески, то Сопронов полностью отказался от норм поведения, характерных для крестьянской среды. Именно эти люди становятся главной властью в деревне в период коллективизации. Они выполняют заказ партии, но с ними поступают, как с элементами машины: убирают, когда они не устраивают, восстанавливают в должности, когда требуется их вмешательство. Однако новой власти нужна, в первую очередь, их беспринципность. Этим людям трудно назвать личностями в точном смысле слова. Из-за своей бездуховности, обезличенности они не пользуются авторитетом ни у крестьян, ни у власти.

Крестьянство, в силу его количественного превосходства, внушало страх, его мораль не подходила государственной политике, необходимо было лишить эту массу людей опоры, которую власти видели, очевидно, в вековом укладе. Для крестьян государственные верхи придумали особый механизм обезличивания – коллективизацию. Коллективное хозяйство на новый лад подразумевает отказ от собственности. Но ни один рачительный хозяин не сможет лишиться нажитого личным трудом по собственной воле, мастеру всегда интересен и важен свой результат. Земледелие – тоже искусство, творчество, в котором человек реализует себя, свой талант. Кроме того, равенство в результатах невозможно в принципе. Коллективное советское хозяйство подразумевало именно такое положение вещей: наличие общего

хозяина и равенство всех вне зависимости от приложенных усилий. При этом государственный порядок насаждался силой.

Белов, выбрав жанр романа-хроники, проследживает развитие этого процесса. Перед читателем предстает первый этап обезличивания, самый драматичный и самый болезненный. Нарушившие время сжигания Масленицы ребятишки отражают важные сдвиги в сознании людей. Люди, за которыми стоит традиция, не пользуются уже должным уважением, не имеют права принимать окончательные и обязательные для всех решения. Так, выпоровшие Сельку Сопронова за выбитые церковные стекла старики оказались арестованными за этот поступок.

Велика в романе роль Никиты, старшего в семействе Роговых. С одной стороны, он является последним носителем традиции, живет по старинке: в трудах и молитве, он не боится принимать важные решения и отвечать за них. Никита Рогов – спокойный, мудрый, верующий человек. Его молитвы за родных, его споры с младшими, наконец, его уход в лесную пустынь отражают глубину человеческой трагедии.

Его мнение является главным во время принятия важных решений. Именно дед убедил мужиков ставить мельницу, он же поддерживал Павла, когда от этой затеи отказались со страху все. Никита решает, вступать всем в колхоз или нет. Он постоянно, неназойливо помогает и в доме, и в полевых работах, и на мельнице. Он возвращает Павла к вере в конце трилогии, когда Павел обвиняет жену в неверности. Однако сам Никита страдает душой, с самого начала романа «Кануны» он не может избавиться от ощущения надвигающейся грозы, и хотя это чувство свойственно почти всем жителям Шибанихи, все же наиболее ярко, образно дисгармония проявляется в словах и поступках Никиты Рогова. При первом появлении в романе он, оставшись один, читает молитву. В его молитве звучит просьба об освобождении от страстей. Пока это ритуальная формула. Однако со временем понятие «страсти» наполняется реальным смыслом. Уже к концу первого романа «Кануны» беспокойное время отражается в сне деда Никиты Рогова. Ему являются бесы. Сначала они жалки и смешны и с ними никто не воюет. Затем от равнодушия, которое породили бесы, рождается в душе пустота. А бесплотные духи и образины становятся развязнее с каждой минутой. Деду слышится бесстыдное гоготание, но он продолжает бездействовать, все терпит. И в конце концов бесы обретают огромную силу: «Весь дом дрожал и шатался, они хозяйничали теперь везде, со свистом и хохотом, крушили все, что попадется...» (1:281). Этот сон преследует деда Никиту и воплощается в жизнь. Родовое гнездо

рушится, а вокруг творится что-то непонятное, бесовское. И сам старик погибает от руки новых властей. Его гибель – развязка виденного им сна. Никита Рогов был застрелен то ли своим односельчанином, то ли советским милиционером на всякий случай, чтобы не убежал.

Причину происходящего дед Никита видит в самом народе, в потере веры. «А сам-то народ что? Извелся почти до корня. Живут вон не венчаны, и детки у них нехристи. Про Бога-то все ведь забыли!» – говорит он в последнем разговоре с Павлом. Думается, обращение к вере у Белова не случайно. Если во второй половине 80-х, в 90-е годы В. Белов постоянно соотносит свои действия и происходящее с религиозным миропониманием, то в 60–70-е, когда создавалась первая книга трилогии, христианство, православие были для автора скорее одним из атрибутов крестьянского быта. И молитвы-тропари, и оценки событий с точки зрения православия в «Канунах» отражают в большей степени не духовно значимое представление о мире, а именно его внешнюю сторону. Однако в процессе работы над трилогией в душе автора происходит переворот. «Религиозное отношение к жизни постепенно и сперва неосознанно вырабатывалось в моем сердце», – напишет Белов в конце 90-х. Религиозное начало приобретает все большее значение с каждой книгой трилогии, что позволяет говорить о вопросах веры, Православия во всем произведении. По сути дела, в народе религиозное видение мира не умирало, свидетельством тому является современное состояние Церкви, с ее возрастающей ролью в обществе. Конечно, такое место Церкви, веры в сознании народа не может быть случайным. Православие на протяжении тысячелетия формировало особую нравственность, было опорой людей. Православная культура сформировала то русское начало, с которым столкнулись сторонники цивилизации. По мнению М. Дунаева, «русское начало ориентировано на стяжание сокровищ на небе, а не на материальный прогресс», «нацелено на вечность, а не на время» (3:928). Подобной точки зрения придерживался и русский философ И. Ильин. Он отмечал в связи с этим главную особенность социализма, его строительства: «Социализм не раздает из любви, а отнимает из ненависти и зависти; он есть разновидность земного стяжательства» (5:41).

Читатель видит, что герои-крестьяне, даже если они не говорят о вере открыто, живут по нравственным законам Православия. Главными христианскими добродетелями на Руси всегда считались кротость, смирение, любовь к ближнему, воздержание во всем. Герои жалеют нищих и калек, в том числе и калек духовных – Игнаху и Микуленку, – хотя и побаиваются их. Так, Данила Пачин и

Палашка Миронова спасают Игната от смерти. Данила привозит его, больного, домой, Палашка не дает ему утонуть. Акиндин Судейкин возвращает Микуленку печать, за потерю которой Николая могли бы жестоко наказать. Крестьяне помогают чем могут всем нуждающимся. Тем ярче контраст между их поступками и поступками представителей власти. Последние не помнят добра, они разрушают дома тех, кто им помогал. Столкновение двух сил отражает нравственное превосходство крестьян. Особенно показательны отношения Игната Сопронова и Павла Рогова.

Павел – «приемыш» в семье Роговых, пришедший в нее как муж Веры. Человек упорный, сильный и горячий, он мечтает построить мельницу. Труд сам по себе приносит Павлу радость, его руки тоскуют по физической работе во время праздников, этот труд направлен на благо ближних, мельница нужна всей деревне. И Павел ощущает себя творцом чудного и нужного людям создания.

С необыкновенным упорством, почти в одиночку, Павел возводит полтора года мельницу и радуется, как ребенок, каждому новому приобретению. Видя, как важна эта работа для Павла, дед Никита помогает ему всем, чем может, и, в первую очередь, – словом, моральной поддержкой. С огромным терпением и смирением принимает эту работу и Вера, жена Павла. Она сама иногда участвует в строительстве. И когда мельница наконец стала молотить зерно, с Павла «как бы спала многолетняя и многопудовая тяжесть». Выстрадавшая радость вызвала слезы. Ему казалось, что «ничто никогда не остановит эту мучную ласковую теплую хлебную струю, она текла, как родная вода, как само непрерывное и вечное время» (1:343).

Способность к труду творческому в Павле есть проявление его сильной и смелой натуры. Возможно, именно эта сила, талант, осмысленность образа жизни вызывают зависть Игната Сопронова.

Игнат ненавидит Павла, но объяснения этому чувству Белов не дает. Больше ясности было бы в ненависти к Павлу Петьки Гирина, в которого в детстве кидал камнями мальчишка Пашка Пачин, за что отец и наказал его. Однако с Петькой Гириным Павел дружит. Игнат оскорбил Павла первым, отзываясь плохо о его родных. Павел его простил, пожалев и осудив себя за горячность. Игнат, затаив злобу, не только не прощает, но и разжигает в себе ненависть к нему. Для Павла не является необходимой ответственность за свои поступки. Видя, что многие беды обрушиваются на их семью из-за мельницы, он мучается, переживает, и лишь поддержка деда Никиты спасает его от отчаянных поступков.

Игнат, наоборот, не задумываясь, составляет списки кулаков. В словосочетании «не задумываясь», на наш взгляд, важны два значения. С одной стороны, это уже сформированное представление о крестьянах, сложившаяся предубежденность. С другой стороны, это бездумное решение человеческой судьбы. Игнат осознает, что этот список многих из крестьян погубит, но не думает о том, что это он, Сопронов, предают их, выносит им приговор.

Бесчеловечное, звериное особенно явственно проявляется в Игнахе во время драки с Павлом. Сопронов, обессиленный ненавистью и слабостью, пытается действительно убить Павла. Рогов, обороняясь и распаяясь не на шутку, все же «пересиливает в себе что-то страшное», боясь потерять главное. Игнаха обезумел. Павла гнев не захлестнул, и он, сохранив разум, произносит: «Пускай судит тебя Бог...» (1:276). «Человека убить... это Бога убить», – такая мысль, промелькнувшая в голове Павла во время драки, спасает его от преступления, которое, скорее всего, повлекло бы за собой гибель всей семьи, поскольку это убийство власти могли рассмотреть как кулацкую диверсию.

Жизнь Павла Рогова, отраженная на страницах трилогии, всегда ставит его перед выбором: остаться человеком или убить в себе человека. Павел достойно выходит из всех испытаний. Однако смысл поступков Павла, в том числе в его отношениях с Игнахой Сопроновым, глубже. Персонажи выступают как антагонисты, но не в социальном плане, а в нравственном, философском. Вражда Павла и Игната отражает и символизирует вражду власти со своим народом.

Важными персонажами являются Данило Пачин и Иван Рогов. Это представители «среднего» поколения крестьян, люди, добившиеся, как и большинство жителей Шибанихи и Ольховиц, всего сами, своим трудом. Данило воевал в Красной Армии против Колчака, воевал на Германской, в Гражданскую. Его сын Василий служит в армии. Однако именно Данилу Пачина называют «нетрудовым элементом», хотя он один из первых вступил в маслоартель. Данило пытается разобраться в происходящем, добиться справедливости. Однако в итоге оказывается на каторге. Он осуждает себя, ищет и находит свой грех. Когда-то он, Данило Пачин, красноармеец, не пожалел молодого, совсем мальчишку, офицера Белой армии. О том же самоуправстве, которое порождено гордыней, мыслью, что им все можно, говорит и Никита Рогов: «Кто с ружьем разался в двадцатом годе? Из стороны в сторону. Не ты ли в красной-то шапке прикатил в Ольховицу? По деревне ходил големом: "Я не я, кобыла не моя, попало от нас белому енералу!" Вот тебе! Тепереча запевай сам лазаря, новые

енералы почище прежних!» (1:265). Высоким самомнением страдают все представители власти в деревнях, крестьяне же пока сохраняют в себе чувство причастности к деревенской жизни, не выделяют себя так, как Сопроновы или Микулин.

Показателен в этом плане образ Митьки Усова, бедняка, ставшего случайно первым председателем колхоза и членом актива. Именно Усов несколько раз помогает своим землякам — не осознанно, а почти случайно, по какому-то внутреннему позыву. Он во время ночной облавы отправляет Степаниду предупредить Данилу Пачина и Гаврилу Насонова. Тут же дается авторская оценка поступка: Митька преображается в Дмитрия. И когда наконец облава сорвана, Усову становится легче. Позднее, встретив Павла Рогова на мельнице, Митька раскрывает ему планы Сопронова и Скачкова: «Уезжай парень! Я насчет тебя разговор слышал. Говорят про тебя, что ты и ногу... это... нарощено, чтобы в армию не ходить... Гарнцу на тебя Сопронов начислил ишшо 75 пудов! Знает ведь, что не выплатить, ну и... Бумага на тебя направлена в район. Судить будут...» (1:572).

Митька Усов представляет в трилогии тех людей, кто волей случая оказался в лагере «актива». Душа их сопротивляется, не случайно Усову не по себе, не случайно Зырин убегает из раскулачиваемого дома Шустовых. Однако восстать, противостоять власти, неправому делу они не отваживаются, могут только скрыты помогать людям. Причину этому объясняет опять же Митька Усов: «Против ветра встает вон одна твоя мельница! С Игнахой я тягаться не дюж... Потому что больно много у ево верхних заступников» (1:571).

Постепенное понимание происходящего приходит большинству мужиков. Веселый и беззаботный Акиндин Судейкин вдруг задумывается даже не о новой власти, а о себе, о своей душе: за что совесть грызет? Именно Киндя подпер чуркой двери сопроновской бани, а кто-то подпалил ее: «Так и случился грех. Хоть и пес, да ведь живой человек. Испекли бы его как эту луковицу, кабы не изладился Пашка Рогов» (1:562). Не один Павел Рогов не может убить Игната, и у других не хватает духу. Деревенские жители, простые мужики, не утратили главного, что позволяет человеку остаться человеком. Так и ограбленная, униженная поповна все же сообщает о застрявших на крыше церкви Куземкине и Лытине, хотя именно они лишили ее всего. Подобные решения героев объясняются словами: человек же он. Контрастом этим убеждениям служат взгляды уполномоченных, для которых все люди делятся на врагов и своих, на классы, элементы и т. д.

На вершине властной структуры находятся Сталин и его министры. Интересен тот факт, что в хронике правление Сталина осмысливается именно как правление царя-захватчика. Неслучайной в этом отношении является песня, которую распевают крестьяне, прошедшие войну:

Шумел-горел пожар московский,
Дым расстился по реке,
А на стенах вдали кремлевских
Стоял он в сером сюртуке.

Наполеон, показанный в этой народной песне, – самозванец в своей стране и захватчик в России («Зачем я шел к тебе, Россия?..»). Образ Сталина у Белова во многом обобщенный, схематичный. Он олицетворяет враждебное русской деревне, а следовательно, всей России начало. И люди из его окружения, те, кто должен заботиться о благе государства, пекутся лишь о своей выгоде. Всех, кто способен думать сам и не согласен с политикой генсека, убирают. Так, на место Калинина приходит аптекарский сын Яковлев (Эпштейн), а Каганович создает список комиссии, которая должна решить судьбу русского крестьянина, и в этом списке практически нет русских фамилий, не говоря уже о социальной или классовой принадлежности их носителей. Исторические персонажи, вплетаясь в образную ткань художественного произведения, приобретают черты темной, злобной силы – бесов, которые снились старому Никите.

Ниже их во властной структуре находятся представители советского строя на местах. Среди них есть умные, образованные, порядочные люди, но есть и такие, кто, находясь на верхней ступени социальной лестницы, добивается только осуществления своих интересов. К первым в романе Белова относятся Шумилов и Лузин. Оба – партийцы со стажем, какое-то время они занимают руководящие должности, однако достаточно быстро переводятся на посты пониже, не связанные с политической как таковой. Более того, Лузин, например, после пребывания в должности начальника на одном из участков по лесозаготовкам оказывается на каторге. Шумилов и Лузин делают очевидной не только социальную и нравственную несправедливость партии, но и ненужность ей порядочных людей. На смену им приходят такие, как Микуленок и Сопронов.

Эти персонажи занимают последнюю ступень на лестнице власти, однако размах их деятельности производит пугающее впечатление. Они вышли из народной среды и уничтожают своих

же односельчан. Сопронов действует решительно и беспощадно – так, как ему диктует чувство мести. Микулин вроде бы ничего такого не делает, но он и не пытается помочь попавшим в беду, его бездействие и радение о самом себе часто оказывается причиной бед окружающих людей.

В целом представители власти в деревне и сама деревня в романе Белова являются своеобразной моделью России. Можно обнаружить даже сходство деревенских уполномоченных с кремлевскими обитателями. Так, Игнат Сопронов по многим своим привычкам, поступкам, словам схож с Иосифом Сталиным. Они оба очень мнительны, обидчивы, гнев и ярость сменяются у них жесткой холодностью. Необыкновенно схожи их рассуждения: они готовы жертвовать собой ради идеалов революции и будут беспощадно уничтожать «буржуйских прихвостней». Однако за высокими словами, лозунгами скрываются личные амбиции и чувство глубокой неполноценности, а подчас не имеющая границ мстительность. Эти чуждые крестьянскому миру люди и вершат судьбы деревни.

Представители третьей группы уничтожены к концу романа все: отец Николай застрелен на Печоре, Прозоров погиб на каторге, доктор Преображенский убит бывшим рабочим, завербованным спецслужбами «палачом» Арсением Шиловским. Падение Арсения происходит на глазах у читателя. Озверевший, доведенный до предельной низости, Шиловский напоминает булгаковских Шарикова и Швондера одновременно: на кого его натравили, того он и убивает. Подобно Шарикову, уничтожающему котов «по службе», Шиловский расстреливает людей по расписанию и с каждым разом все спокойнее.

Особенно важными в идейном плане являются в хронике персонажи, так или иначе причастные к христианскому мировоззрению. Никто не имеет права переделывать мир, никто не может сказать человеку, как ему жить, «про Бога-то ведь все забыли», «за все непотребное Господь накажет», «да не сгинет терпение», «есть Бог милующий, но Он же и наказующий» – эти слова героев и для автора являются самым высоким критерием оценки событий XX века и указанием пути в будущее. Однако герои Белова, вслед за автором, высказывают мнение, что разгул страстей, сдвиг в сознании произошел задолго до революции (по словам Никиты Рогова, еще «при том императоре»). При каком именно императоре – читатель не узнает. К славянофилам восходит точка зрения, согласно которой первым посягнул на традиционные устои Руси Петр I. Современный православный мыслитель М. Дунаев формулирует эту мысль так: «Народ жил в основе своей

представлениями и ценностями средневековой культуры едва ли не до самых потрясений начала XX столетия, – и такое роковое несоответствие между двумя образовавшимися в Петровскую эпоху слоями нации отозвалось в конце концов трагическими событиями кровавых революций» (3:21). Не знающая народ дворянская, а затем разночинская интеллигенция, таким образом, решили за народ, что ему надо. Дискредитация государственного, социального и церковного строя лишила народные массы надежных ориентиров. Революционеры лишь воспользовались сложившейся обстановкой. С приходом к власти этой новой, абсолютно чуждой национальным интересам силы, развал в стране и разрушение исторических представлений о мире пошло быстрее. А уничтожение крестьянства разорвало последнюю связующую нить с прошлым.

Противопоставление города и деревни, нового и старого, антихристианского и православного в исторической хронике Белова отчетливо выражает авторскую позицию. Исследуя источники зла в современном мире, писатель обнаруживает страшные нарушения элементарных нравственных норм в деятельности советской власти. Власть эта чужеродна народному «телу». Врач Преображенский во второй части трилогии говорит: «У меня с ними разные группы крови. Знаете ли, что происходит, если больному переливают чужую кровь? Организм отторгает ее, и человек погибает» (1:398).

Весь роман наполнен спорами не только о политической и социальной ситуации в стране, но и спорами о вере. Как и в романе «Все впереди», раскол деформирует души людей, единства нет даже в среде священников. Старый отец Ириной отрицает право отца Николая называться пастырем. Последний, в свою очередь, ведет себя далеко не как священник и вместе с тем утверждает, что истинный раскол в душах людей начался с Церкви. Однако наиболее значимым в авторском плане выводом служат слова помещика Прозорова: «Нет духовной узды, простор, свобода страстям человеческим... Остается одна борьба взаимоуничтожения».

Для Белова вопрос о соотношении разума и страстей человеческих является особенно важным. Разгул страстей, жизнь не по совести, не по разуму, что называется «без царя в голове», приводит к разложению, к смерти человеческой души. Писатель показывает, что главной идеей для христианина является борьба с самим собой, со своими страстями.

Обстановка в деревне, показанная в «Канунах», – преддверие апокалипсиса русской деревни, крушения традиционного уклада жизни, утраты привычных духовных ценностей. Доказательством

того, что не революция положила начало разлада в душе, служит образ помещика Прозорова. Фамилия его говорящая, он видит достаточно глубоко, прозревает трагическое будущее одним из первых. Не будучи верующим, он убежден, что без Бога жить нельзя, и постепенно крепнет в этом решении. Разобраться в себе, прислушаться к голосу совести – это значит сделать первый шаг на пути к добру.

В «Годе великого перелома» звучит фраза, которая затем перейдет в публицистику Белова. «Внемли себе!» – эти слова принадлежат исчезнувшему в тюрьме доктору Преображенскому. Обращены они к Прозорову.

Самым важным испытанием для героев становится осмысление себя. Одним из первых прозревает Владимир Прозоров. Он не желает менять фамилию по совету старого нормировщика, хотя это дает возможность жить спокойно, избавиться от преследования (один из героев так и делает, Петька Гирич исчезает, появляется Петр Гириневский, затем Штырев, Гиринштейн). Для Прозорова такой поступок равен предательству: «Отречься от самого себя, от всех своих предков, безмолвно взирающих из глубины российской истории на него – Владимира Прозорова, и на все, что происходит в стране... Жизнь под чужим именем представлялась ему отвратительной...».

Исчезает в тюрьме и поп Рыжко, он был застрелен на Печоре. Ведя жизнь далеко не пастырскую, нарушая церковный устав, он оказывается в духовной изоляции. В оскверненном храме, приспособленном под тюрьму, отец Николай вдруг осознает, что истинное служение в эти времена неизбежно ведет к жертве. Именно поэтому, наверное, он не только спасает священника, отпевающего по ночам покойников, но и вступает в спор с представителями власти: «Вы антихристы, перевертыши! Вы обратное отражение живых и верующих! Потому вы и мертвы пребудете из века в век...». Спокойствие и сила духа подтверждают правильность нравственного выбора героя. Принося себя в жертву, он искупает свою вину.

Если в «Канунах» герои не находят ответа на свои вопросы, а лишь предчувствуют беду, то в «Годе великого перелома» они начинают бороться со злом. Однако механизм уничтожения всех, кто понимает, что главный принцип нового правления – «разделяй и властвуй», работает без серьезных сбоев. Завершающим этапом развития писательского замысла является роман «Час шестой», где зло, в который раз, одерживает верх. Предчувствие беды из «Канунов» переходит в «Год великого перелома» и полностью оправдывается в «Часе шестом», несмотря на то, что публикацию

первой и последующих частей романа разделяют почти 15 лет. Роман об истории крестьянства конца 20-х годов по сути своей является романом о судьбе русского народа, бесправного, но терпеливого и сильного. Исторический путь крестьянства осмысливается писателем как путь на Голгофу.

В связи с этим кажутся очень важными заглавие и эпитафия, выбранные для романа, особенно последней его части. Если роман «Год великого перелома» комментируется словами Ф. Энгельса о России и славянах, призывающего уничтожить эти «тупоголовые национальности, вплоть до их имени включительно», то для «Часа шестого» автор выбирает эпитафией слова из Евангелия от Иоанна: «Бе... час яко шестый... тогда предаде Его им, да распнется... И неся Крест Свой, изыде Иисус на глаголемое лобное место, ид еже пропяша Его». Белов прослеживает процесс уничтожения народа от его начала в «Канунах» до итога в «Часе шестом».

У каждого человека свой крест, и этот крест человек должен нести терпеливо. Так учит молодых Никита Рогов, напоминая известную русскую поговорку: «Христос терпел и нам велел». Свой крест есть не только у отдельного человека, но и у всего народа. «Кануны» пронизывает ощущение неизбежной трагедии, события «Года великого перелома» ассоциируются со страданиями Христа: здесь и аресты, и унижения, и побои. Терновый венец примеряют даже дети (Дуня Шестова, Алеша Пачин и многие другие). Однако это еще не конец. Люди еще верят, что вернуться к привычному труду.

События «Часа шестого» звучат как исполнение приговора. Разделенное, раскиданное по земле крестьянство перестает жить полноценно, оно начинает просто выживать. В дальнейшем деревня разрушается совсем. В послесловии Белов пишет: «Шибаниха исчезла из нашего мира. Исчезли и все сорок два председателя, за шестьдесят лет побывавшие на этом отнюдь не сладком посту... История деревни смахивает на дурной сон. Трагична, безжалостна судьба буквально каждого крестьянского двора, каждой семьи. Из этого правила исключений не существует».

Таким образом, проследив путь крестьянства в XX веке, Белов отражает трагедию русского народа, в ходе ломки утратившего корни, вынужденного приспособляться, лавировать. Человек потерял духовную ориентацию в новых условиях, научился видеть разницу между добром и злом, так как вместе с традицией утратил во многом и нравственные ценности.

Появление первой части хроники дало повод к сопоставлению Белова и русских классиков. Так, Ю. Селезнев в образно-языко-

вой стихии трилогии увидел традиции, восходящие к Тургеневу, Толстому, Есенину, но в первую очередь – к «гоголевской стилистике «Вечеров» и «Миргорода». Обе они ...из одного русского истока – народно-поэтического начала» (8:27).

Однако с каждой новой частью романа усиливалась роль публицистичности. Происходило соединение художественного языка с языком документов. По мнению Д. Затонского, использование или имитация документа стала одной из тенденций современной литературы (4). Причем присутствие документа обнаруживается не только в исторических произведениях.

В трилогии Белова документ необходим. Во-первых, цель автора – создать реалистическую картину русской действительности. Время становления новой власти, конечно же, нашло отражение в различных официальных документах. В связи с этим в хронике появляется ряд постановлений, отражающих судьбу крестьянства. Среди них телеграммы и директивы. Хроника приводит документы, бывшие известными общественности, в частности, это статьи в газетах. Как насмешка над русской деревней звучат слова статьи о помощи китайским революционерам. Заголовки в газетах 1929 года свидетельствуют о разжигании вражды внутри крестьянства, если учесть, что кулаками стали считаться все живущие в достатке крестьяне: «Кулацкие выстрелы не остановят роста соцдеревни», «Кулаки нападают на колхозников», «Героям кулацких обрезов – высшая мера наказания» (1:346). Разрушение уклада отражается, таким образом, даже в языке. Новые слова часто непонятны не только крестьянам, но и властям. По словам А. Романова, «Яростная политизация слов, чуждых для слуха и угарных для сознания, – вот начало всякого насилия» (8:104).

Особую роль в трилогии играют образы-символы. Повышенной значимостью наделены образы ветра, мельницы, часов. Ветер в прозе Белова есть олицетворение смятения, растерянности. В «Канунах» он появляется лишь с грозой и не имеет признаков безудержной злобной силы. Однако к концу первой книги с постройкой мельницы ветер начинает дуть все сильнее и рождает в душе Павла какое-то беспокойство. И наконец, с новым ветром, которого никто не заметил, появился новый пришелец, им оказался Смирнов. Постепенно образ ветра становится образом новой, чужой силы, образом террора.

Образ ветра очень тесно связан с образом мельницы. Мельница мелет против ветра, словно сражаясь с ним, и, в конце концов, не выдерживает: «А крылья мельницы все шли, шли в обратную сторону, окончательно ломая шестерни и пальцы пестов», – таков итог этой борьбы (1:941). И если «Год великого перелома»

заканчивается словами: «Дьявольский вихорь всего лишь опробовал свои беспощадные силы», — то в третьей части трилогии вихрь разрушает привычный мир, сметая на своем пути все: и правых, и виноватых, и своих, и чужих.

Мельница, с одной стороны, — мечта Павла Рогова, она создается для людей. С другой стороны, с ней связана одна из причин гибели семьи Роговых, хотя Павел понимает: есть мельница — уничтожит его Сопронов, не будет ее — все равно Сопронов сживет со света. Судьбоносность мельницы может быть объяснена ее происхождением. Найденная и срубленная сосна-великанша, словно соединившая небо и землю, может рассматриваться как образ мирового древа. Срубленное дерево, таким образом, знаменует собой крушение миропорядка. Об особой значимости дерева предупреждает Павла и Евграф, рассказавший о попытке деда Онисима срубить дерево, и Вера, которая боится чего-то, ждет беды.

Образ сосны воплощает принцип единства мира: «...каждая пара игл была частью, и все дружно облепляли тонкий сосновый прут, и каждый прут был на своем месте, в каждой сосновой лапке. В свою очередь, каждая сосновая лапа жила отдельно и вместе с другими; они, не враждуя друг с другом, переходили в более крупные ветки. Ветки незаметно перевоплощались в мощные бронзовые узлы, расчлененные по всей кроне и объединенные в ней, единой и неделимой. В каждой сосне не было ничего лишнего, и они, дополняя друг дружку, каждая по-своему сберегали лесную семью» (1:90–91).

Во многом этот образ напоминает образ народа или страны, где каждый — часть этого общего. Сосна-великанша, возносящая вершину в небо, «от чьей-то далекой холодной мысли» должна была исчезнуть, преобразиться. Люди нарушают лесную гармонию и сами пугаются этого. Зияющая пустота от сосны в небе напоминает судьбу самого крестьянства, уничтоженного почти до основания чьей-то холодной волей.

Еще одним важным образом являются часы, или время, которое они воплощают. Время, если его ход ничем не нарушен, растворяется в вечности. Когда живет традиция, время становится цикличным. Отражается это в последовательности полевых и домашних работ крестьян, в закономерном чередовании утра, дня, вечера, ночи.

Новая власть нарушает установленный природой порядок. Все совещания, мероприятия по раскулачиванию происходят ночью. Актив напоминает шайку бандитов, которые вершат свои неправые дела под покровом ночной темноты. Когда в дома приходят

представители новой власти, что-то происходит и со временем: «Часы вдруг перестали тикать. В теплой темной избе установилась жутковатая тишина» (1:494).

Меняется отношение к традиционным праздникам, что также нарушает привычный ход времени. Молодежь уже не понимает, где пост, где праздник. Девки «сбесились», готовы плясать и в Великий пост. И постепенно праздничные дни исчезают.

Смута, потерянности захватывают не только крестьян. Член комиссии Яковлева Бергавинов не может вспомнить число месяца. Арсений Шиловский живет как во сне. Ускорение и нарушение времени отражаются в снах героев. Видят сны многие, но наиболее важными являются сон Павла и сон Никиты Рогова. Больному Павлу все время снится что-то лохматое и черное, что валится на него и от чего нет спасения. А мельница мелет без крыльев. И он не может остановить ее. В этом сне Павел предчувствует неизбежность катастрофы и понимает, что эту катастрофу приближает его собственная мельница.

Образность романа-хроники Белова позволяет считать его философским произведением. В нем не только подытоживается прошлое, но и намечается проекция в будущее. Этот роман можно с полным правом назвать злободневным, хотя он рассказывает о событиях, отделенных от читателя несколькими десятилетиями. Ведь речь в нем идет о судьбах народа в кризисный период его существования и о возможности выхода из этого кризиса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белов В. И. Час шестой. Трилогия. – Вологда, 2002.
2. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М., 1990.
3. Дунаев, М. М. Вера в горниле сомнений: Православие и русская литература в XVII–XX веках. – М., 2002.
4. Затонский Д. В. Художественные ориентиры XX века. – М., 1988.
5. Ильин И. А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948–1954 годов: В 2-х томах. – Т. I. – М., 1992.
6. Князева, Т. В. Эпос крестьянской жизни в творчестве В. Белова (Повесть «Привычное дело», романы-хроники «Кануны» и «Год великого перелома», очерки «Лад»). Дисс. на соиск. уч. степ. канд. филологич. наук. – Самара, 1997.
7. Поспелов, Г. Н. Проблемы исторического развития литературы. – М., 1972.
8. С разных точек зрения: «Кануны» Василия Белова/Сост. А. В. Панков. – М., 1991.